

— Погоди-ка, — перед самым выходом на сцену Лу Ивэнь окликнул Цзянь Шэ.

Он окинул взглядом костюмы остальных ребят, затем перевел взор на Цзянь Шэ и невольно нахмурился:

— Что-то мне кажется, я выбрал для тебя слишком простенький наряд.

Цзянь Шэ на секунду растерялся.

— Мою одежду... это ты выбрал, брат?

С самого утра Сяо Мэй привезла к ним в общежитие профессиональных стилистов и парикмахеров. Цзянь Шэ был уверен, что эти образы — заранее утвержденное решение руководства.

— Ну да, — кивнул Лу Ивэнь. — Только твой и выбрал. Правда, сейчас вижу, что на фоне остальных тебе явно не хватает ярких красок.

Сначала он подобрал одежду для вокалиста, а потом из-за спешных дел перепоручил всё Сяо Мэй. Она, как девушка молодая, тяготела к броской роскоши, так что Цзин Сяна и остальных она вырядила излишне вычурно — они так и пестрели красками.

На их фоне Цзянь Шэ выглядел на удивление просто. Сам Лу Ивэнь обожал американский стиль девяностых, поэтому и подобрал для него этот комплект: белоснежное поло, свободную джинсовку в тон и классические коричневые туфли на шнуровке. Этот наряд безупречно подчеркивал юношескую свежесть и легкую, естественную грацию парня. Образ так и дышал очарованием.

И все же Лу Ивэню показалось, что на фоне сверкающих коллег Цзянь Шэ выглядит чересчур буднично. Поразмыслив секунду, он выудил из кармана два значка — побольше и поменьше, черный и белый, — шагнул вперед и лично прикрепил их к куртке парня.

На черном значке зелеными буквами красовались его инициалы — «ЛИВ». Эта маленькая деталь сразу разбавила излишнюю строгость белого наряда, добавив в него капельку дерзости и игры.

Цзянь Шэ замер, не смея пошевелиться, пока Лу Ивэнь возился с застежкой. Когда тот отстранился, парень осторожно прикоснулся к значку. Пальцы обожгло теплом.

— Брат... ты хочешь, чтобы я выступал с этим?

— Да других аксессуаров под рукой не оказалось, так что носи пока эти, — Лу Ивэнь решил,

что парень просто стесняется, и ободряюще похлопал его по плечу. — Не переживай, тебе идет.

— Угу, — послушно кивнул Цзянь Шэ. На душе у него потеплело.

Да что там значки — даже если бы Лу Ивэнь заставил его выйти на сцену в нелепом цветастом ватнике, он согласился бы без малейших колебаний.

Бросив на Лу Ивэня долгий, полный немого обожания взгляд, Цзянь Шэ наконец развернулся и направился к сцене.

Лян Цян снова стал невольным свидетелем этой сцены. Наблюдая за ними, он все отчетливее понимал: здесь что-то не так.

Однако времени на раздумья не оставалось. Когда началось второе отделение, зрителей в зале поубавилось — не набралось и половины от того жидкого ручейка, что пришел к началу.

Будущее группы казалось туманным.

В полупустом зале еще стоял нестройный гул голосов, как вдруг прожекторы разом погасли. Из глухой темноты вырвался яростный металлический рифф. Он ударил по барабанным перепонкам, заставив зрителей вздрогнуть и устремить взгляды на сцену.

— Что, уже начинают?

— Погоди, а атмосфера-то изменилась. Начало прямо цепляет.

Стоило зрителям затаить дыхание, как тяжелый скрежет оборвался. На смену ему пришел чистый, парящий звук клавишных, рассыпающийся мириадами мелких, пульсирующих искр электронного ритма.

Сцена оставалась погруженной во мрак, но сквозь эту черноту поплыли мягкие блики света. словно стайка неоновых рыб, они скользили в пустоте, выхватывая из темноты силуэты троих музыкантов.

Цзянь Шэ стоял у двухъярусного синтезатора. Всполохи света очерчивали его фигуру, превращая силуэт в фантастический рисунок, напоминающий ослепительное полярное сияние.

— Откуда взялись клавиши?

— В первом отделении их же не было? Они что, сменили состав в процессе?

— Да нет, парень тот же самый.

Вопросы зависли в воздухе. Прежде чем синтезатор зазвучал в полную силу, в игру безупречно вступил Лян Цянь. Его барабаны задали глубокий, пульсирующий ритм, вдохнув в парящую мелодию дику первобытную жизнь.

Гитара больше не ревела грязным перегрузом. Цзин Сян устроился на высоком стуле и, прикрыв глаза, выводил мягкие, чистые созвучия. Из-под его пальцев лилась нежная, прозрачная акустическая партия.

— Да они же играют акустику! — догадался кто-то в толпе.

Спустя мгновение раздался голос Цзянь Шэ — глубокий и завораживающий. Он начал с «Осеннего сада». Эта композиция, сотканная из зыбких, ускользающих образов и странных стихов, под тихий шелест электроники создавала ощущение погружения в бездонную океанскую глубь. Но стоило закрыть глаза, как вода отступала, открывая взору безмятежную гладь, где небо сливалось с землей в абсолютной, звенящей тишине.

После нескольких похожих вещей публика заметно расслабилась. Некоторые уже стояли, прикрыв глаза и тихо покачиваясь в такт, полностью растворяясь в музыке.

В зале вновь воцарилось молчание. Но теперь это была не гнетущая тишина провала, а то редкое, хрупкое единодушие, когда между сценой и слушателями рождается настоящее волшебство.

Только теперь толпа по-настоящему прониклась их выступлением.

— Наша последняя песня немного отличается от остальных, — заговорил Цзянь Шэ во время паузы. Он держал микрофон обеими руками, а световые блики кружились вокруг него, словно потревоженные светляки. Парень мягко улыбнулся: — Когда будете слушать ее, просто вспомните того, кто вам по-настоящему дорог. Представьте его лицо.

Его прежняя холодность бесследно испарилась. Сейчас он казался таким искренним и незащищенным, что у стоявших в первом ряду девочек перехватило дыхание.

— Офигеть, — прошептала одна из них, закрывая лицо руками. — Какой же он лапочка! Черт, я знала, знала, что он лучший! Я обязана показать ему «сердечко»!

В местных клубах существовала особая традиция: если тебе безумно нравился кто-то из музыкантов, во время его сольной партии ты мог поднять руки над головой и сложить пальцы в форме сердца. Но если ты выбирал одного, то дарить свои «сердечки» другим уже не имел права — негласные правила требовали верности избраннику, создавая иллюзию безмолвной связи между сценой и залом.

Для артистов такие жесты значили куда больше обычных аплодисментов: «сердечки» переводили случайных слушателей в ранг преданных фанатов. Музыканты нередко краем глаза подсчитывали количество влюбленных взглядов, чтобы потом, в гримерке, прихвастнуть перед товарищами.

Цзянь Шэ закончил говорить, и в ту же секунду над залом поплыли щемящие звуки вступления к «Зимнему стулу».

Огромный светодиодный экран позади группы ожил. На нем поочередно сменяли друг друга меланхоличные пейзажи: заснеженные бескрайние поля, пустынное побережье и одинокая деревянная скамья у самой кромки темной воды.

При виде этой скамьи Лу Ивэнь вспомнил давний разговор. Цзянь Шэ как-то рассказывал ему, о чем эта песня. Образ зимнего берега, пронизывающий холод и двое влюбленных на скамейке у моря. Тот, кто старше, медленно угасает, а второй прижимает его к себе, не желая отпускать, и они вместе встречают рассвет — от глубоких предрассветных сумерек до первых лучей солнца.

Подняв микрофон, Цзянь Шэ запел под затаившим дыхание взглядом толпы:

«Белый песок и сосны пред глазами

Тают в тумане моих тревожных дум.

И лишь бледность кожи твоей

Становится все отчетливей и ясней...»

Зимнее солнце еще не взошло, и мир вокруг казался выцветшим, белесым. Этот холодный туман плотным саваном укутывал двоих на скамье. Но сквозь лед пробивались цветы былых воспоминаний, подхваченные резким морским ветром.

«Я пришел в этот мир, весь покрытый рубцами,

В омут сплетен и лживых речей угодил.

Но вставал вновь и вновь, разбивая колени,

Ибо ядом твоим свое сердце вспоил...»

В этот момент мелодия сорвалась в щемящую, трагическую тональность. Аранжировка

упростилась, лишилась украшательств, обнажая чистую, рвущую душу скорбь. Словно тот, кто остался в живых, сжимал в объятиях остывающее тело любимого человека и беззвучно кричал от невыносимого бессилия перед лицом неизбежного.

Цзянь Шэ слегка запрокинул голову. Со стороны казалось, что он просто поддался буре эмоций, но на самом деле его взгляд блуждал по залу, отчаянно выискивая в полумраке лицо Лу Ивэня.

Заметил ли это Лу Ивэнь? Сложно сказать, но в ту же секунду их глаза встретились.

Это мимолетное столкновение взглядов отозвалось в груди Цзянь Шэ оглушительным взрывом.

«Если б вера спасла от глухой пустоты,

Я молился бы вечно, шепча имена.

Но в туманных садах, где не встретимся мы,

Наш финал заберет вековая стена...»

Шквал эмоций утих, и музыка плавно покатилась к финалу. Голос Цзянь Шэ становился все тише, переходя на интимный, вкрадчивый полусшепот, словно он доверял микрофону самые сокровенные признания.

Инструменты смолкли один за другим. Ночь отступила. Тот, кто остался один, покрывал поцелуями холодное лицо возлюбленного, но вернуть искру жизни в эти черты было уже невозможно.

И лишь за спиной ушедшего вечность расцветивала горизонт первыми лучами багровой, пронзительно красивой зари.

«Словно бабочка-поденка, летящая к свету

В небесах, что раскинулись над головой,

Пусть сожжет меня этот безумный рассвет...»

Последний аккорд растаял. Зал замер на несколько мгновений, оглушенный этой щемящей тоской, а затем буквально взорвался громом аплодисментов и восторженных криков.

Давешняя девчонка у сцены продолжала отчаянно складывать пальцы в «сердечко», глядя на

Цзянь Шэ сияющими глазами.

Лу Ивэнь стоял на балконе, затаив дыхание. Он всегда питал слабость к подобным надрывным, глубоким балладам. Но это исполнение превзошло все ожидания — музыка попала в самый центр его души.

После окончания лайва публика потянулась к выходу. В воздухе стоял оживленный гул голосов: люди наперебой делились впечатлениями от неожиданно сильного второго акта.

Лу Ивэнь спустился в гримерку, однако Цзин Сян с ходу огорошил его известием: едва умолкли овации, Цзянь Шэ сорвался с места и убежал на второй этаж искать менеджера. Пришлось возвращаться.

Поднявшись наверх, Лу Ивэнь застал парня у перил. Заметив менеджера, Цзянь Шэ со всех ног бросился навстречу.

Не успел Лу Ивэнь и слова вымолвить, как его крепко сжали в объятиях.

Цзянь Шэ прижимал его к себе с такой силой, словно боялся, что тот растает.

— Брат Лу, ты ведь дослушал до конца? — взволнованно прошептал он, уткнувшись лицом в его плечо. — Ты же все слышал?

— Да, конечно... я слышал все второе отделение, — растерянно ответил Лу Ивэнь. От неожиданного напора и веса навалившегося на него крепкого тела он на миг лишился дара речи.

Но парень, казалось, все еще пребывал в эйфории после лайва. От его разгоряченного тела исходил почти осязаемый жар. Понимая это, Лу Ивэнь не решился его оттолкнуть. Он лишь осторожно похлопал парня по спине, выражая молчаливое одобрение.

— И как тебе? Понравилось? — в голосе Цзянь Шэ сквозила детская, чистая надежда. — Текст, музыка... хоть что-нибудь?

Стихи рождались в минуты душевного смятения, а музыку он писал долгими бессонными ночами, думая только о Лу Ивэне. Каждая нота, каждая строчка были сотканы из чувств, которые он миллионы раз безмолвно прокручивал в темноте, мечтая однажды полностью раскрыть их перед этим человеком.

«Лишь бы ему понравилось, — стучало в голове у Цзянь Шэ. — Хотя бы самую малость. Тогда всё это было не зря».

— Всё было великолепно. Мне безумно понравилось, — искренне произнес Лу Ивэнь.

Почувствовав, как после этих слов объятия стали еще крепче, Лу Ивэнь мягко попытался отстраниться:

— Да отпусти же ты... от меня несет табаком и перегаром.

— Какое счастье... какое счастье... — шептал Цзянь Шэ, игнорируя попытки вырваться. Он уткнулся носом в изгиб шеи менеджера и горячо забормотал: — Главное, что тебе понравилось. Брат Лу... я ведь хорошо справился? Скажи, я заслужил награду?

От этих восторженных, почти бредовых излияний на душе у Лу Ивэня потеплело, хотя ситуация и казалась двусмысленной.

— Справился, конечно. Ты сегодня превзошел сам себя.

— Значит, я могу загадать желание? — Цзянь Шэ наконец отстранился и заглянул Лу Ивэню в лицо. На его щеках горел легкий румянец, а сам он ярко светился от счастья в тусклом свете полупустого клуба. Выглядел он в этот миг невероятно трогательно.

Лу Ивэнь на секунду растерялся под этим пристальным, обжигающим взглядом.

— А... ну да. Загадывай.

Цзянь Шэ довольно прищурился и счастливо улыбнулся.

— Брат Лу, закрой глаза.

<http://bllate.org/book/18237/1752541>